

Жукова Наталья Владимировна,

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической психологии и педагогики, Уральский государственный медицинский университет; 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: nataly-n.tagil@mail.ru.

Валиева Татьяна Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и педагогики, Уральский государственный медицинский университет; 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: tatiana_valieva@mail.ru.

**АНТИКОРРУПЦИОННАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА
КАК СУБЪЕКТА ЛИЧНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антикоррупционная устойчивость личности; личная культура; профессиональная культура; кросс-культурный контекст; студенты.

АННОТАЦИЯ. Одним из социально актуальных и государственно важных аспектов подготовки будущих специалистов является формирование у них антикоррупционной устойчивости личности. В процессе обучения в вузе такому формированию способствует создание условий для становления роли и позиции студента как субъекта познавательной и будущей профессиональной деятельности через развитие внутреннего кросс-культурного контекста. Цель исследования состоит в том, чтобы на основе теории становления личной культуры субъекта познания, его внутреннего кросс-культурного контекста, в связи с направлением подготовки и личностными особенностями выявить обусловленность антикоррупционной устойчивости личности будущего специалиста ролью субъекта познания. Поставленная цель достигалась посредством опроса 53 студентов гуманитарного профиля обучения вузов г. Екатеринбурга. В качестве эмпирических показателей личной культуры были выбраны суверенность психологического пространства, напряженность психологических защит, характеристики совладающего поведения и психологического благополучия, а также развитость волевых качеств личности. Для выявления уровня антикоррупционной устойчивости личности студентов разных направлений подготовки был применен анализ соответствий по критерию χ^2 Пирсона. Было показано, что большая часть студентов всех изучаемых направлений подготовки обладает высоким и средним уровнем антикоррупционной устойчивости личности. С помощью корреляционного анализа по r -критерию Спирмена было установлено, что у разных направлений подготовки в формировании общего показателя антикоррупционной устойчивости личности наиболее значимыми являются разные ее компоненты. Также показано, что имеются специфические связи антикоррупционной устойчивости личности студентов разных направлений подготовки с показателями личной культуры, что выявило уровень сформированности их внутреннего кросс-культурного контекста и позволило сделать вывод об особенностях их позиции в роли субъекта деятельности относительно антикоррупционного поведения. В целом в исследовании определено, что специфика будущей профессиональной деятельности оказывает влияние на становление субъектной позиции студента.

Zhukova Natal'ya Vladimirovna,

doctor of psychology, Full Professor, Professor at the Department of clinical psychology and pedagogy, Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia.

Valieva Tatiana Vladimirovna,

candidate of psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of clinical psychology and pedagogy, Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia.

**ANTI-CORRUPTION STABILITY OF PERSONALITY OF STUDENT
AS THE SUBJECT OF PERSONAL AND PROFESSIONAL CULTURE**

KEYWORDS: anticorruption stability of a person; personal culture; professional culture; cross-cultural context; students.

ABSTRACT. One of the socially relevant and publicly important aspects of education of future specialists is the formation of anti-corruption stability of the individual. This process takes place under the conditions of development of the position of the student as the subject of cognitive and future professional activity through the development of internal cross-cultural context. The objective of the given research is to reveal the dependence of anti-corruption stability of the personality of the future specialist on the role of the subject of cognition on the basis of the theory of development of their personal culture, internal cross-cultural context, predetermined by the area of training, and personal characteristics. The objective was achieved by testing 53 Humanities students enrolled in the higher education institutions of Ekaterinburg. The empirical indicators of personal culture comprised sovereignty of psychological space, tension of psychological defenses, characteristics of coping behavior and psychological well-being, as well as the level of volitional qualities of the individual. Correspondence analysis according to the χ^2 -Pearson criterion was used to reveal the level of anticorruption stability of the personality of students of different training areas. It was shown that the majority of students of all academic areas had a high and medium level of anti-corruption stability of individuality. Correlation analysis according to the R-Spearman criterion found out that specific components of the general indicator of anti-corruption stability of the individual prevailed in different areas of training. It was also demonstrated that there were specific connections between anti-corruption sta-

bility of the personality of students of different areas of training and the indicators of personal culture. This revealed the level of formation of their internal cross-cultural context and allowed the authors to draw a conclusion about the peculiarities of their position of the subject of anti-corruption behavior. In general, the study argues that the specific features of future professional activity have an impact on the formation of the subject-oriented position of the student.

В о время обучения у будущих специалистов происходит формирование личностных и профессионально важных образцов и установок поведения, способствование его регуляции и саморегуляции, что обуславливает значимость психолого-педагогической работы по способствованию становления у студентов многих социально актуальных и востребованных в профессиональной деятельности паттернов и качеств личности специалиста.

Одним из современных действенных подходов к решению психолого-педагогических задач профессионального обучения является обучение студентов, развитие их профессиональной культуры в условиях контекстного образования [4], способствующего соединению предметного и социального контекстов будущей профессиональной деятельности, а также обращению студентов в будущее и пониманию результатов своей деятельности на основе имеющегося в прошлом опыта.

В профессиональной деятельности специалист встречается с множеством разнообразных трудных ситуаций, в том числе ситуаций выбора альтернатив решения нравственно-профессиональных задач. Ярко выраженные психологические составляющие и социокультурные корни в деятельности специалистов разных профессий имеет проблема коррупции [8]. В соответствии с этим появляется большое количество публикаций, посвященных изучению антикоррупционной устойчивости личности специалистов (например, [5; 11; 14; 16; 22]). Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе теории становления личной культуры субъекта познания, его внутреннего кросс-культурного контекста, в связи с направлением подготовки и личностными особенностями выявить обусловленность антикоррупционной устойчивости личности будущего специалиста ролью субъекта познания.

Личная общая культура субъекта познания — это непрерывно изменяющиеся, находящиеся в развитии интеллектуальные, моральные и нравственно-этические (духовные) образцы поведения и деятельности человека, которым он следует в своем бытии. Личная культура субъекта познания, обусловленная влиянием внутреннего кросс-культурного контекста, проявляется на таких генетически сменяющих друг друга уровнях, как уровень этнической идентич-

ности, социокультурной компетентности, духовности личности (или нравственной идентичности), гражданской (правовой) идентичности и интеллигентности [6].

Становление личной культуры субъекта познания происходит в процессе развития внутреннего кросс-культурного контекста, который, в свою очередь, формируется на основе способности субъекта, опираясь на свои знания и жизненный опыт, к антиципации и рефлексии своей жизни. Эти способности предполагают обращение личности в конкретной ситуации принятия решения в будущее и прогнозирование последствий своих действий на основе полученного опыта в прошлом в аналогичных ситуациях.

Внутренний кросс-культурный контекст рассматривается как сложившийся на данный момент у человека образ мира, мироощущение как результат взаимодействия и взаимовлияния внешних контекстов в процессе познания, взаимодействия и взаимовлияния разных культур (общечеловеческой, этнической, национальной, коммуникативной, профессиональной, информационной и т. п.), определяющий для него значение и смысл восприятия, понимания и преобразования конкретной ситуации [6]. Развитие внутреннего кросс-культурного контекста в профессиональной деятельности, а соответственно и становление личной и профессиональной культуры личности, может быть определено как формирование и реализация студентом плана, модели вхождения, «встраивания» себя в профессиональную деятельность на основе осознания освоенных им общекультурных (этнических, социальных, духовных, гражданских, правовых) и профессиональных образцов деятельности и предвосхищения себя как будущего специалиста [7].

Исследование развития внутреннего кросс-культурного контекста будущих специалистов в профессиональной деятельности выводит на описание и объяснение процесса и результатов вхождения студента в профессиональный мир с позиции не только специфически профессиональных, но и широких социально-культурных (нравственных, гражданских, духовных) и индивидуально-личностных оснований и условий этой деятельности, что соотносится с современными тенденциями исследований в психологии труда и профессионального развития [7].

Одним из таких социально значимых оснований любой профессиональной дея-

тельности является антикоррупционная устойчивость личности, определяемая как интегративное психологическое свойство личности, выражающееся в субъективном неприятии совершения коррупционных деяний и готовности противостоять социальным условиям и влияниям других лиц, побуждающим к их совершению [15].

Для коррупционной личности характерно осмысление жизни через приобретение материальных благ, стремление к роскоши как показателю счастья, неосознанная мотивация и недифференцированная структура установок нравственного поведения, низкий уровень удовлетворенности жизнью, негативное самоотношение и неадекватная самооценка, экстернальный локус контроля, импульсивный тип реагирования [2]. А также скрытая агрессия, общение с небольшим кругом людей, толерантность к коррупции и отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции, невозможность преодоления фрустрации и беспомощности при встрече с трудностями [17]. При этом коррупционеры являются творческими людьми, отличающимися нестандартным подходом к решению возникающих задач [17].

В ситуации выбора коррупционного или некоррупционного поведения во внутреннем плане личности разворачивается конфликт между личными и общественными интересами, фиксация которого возможна, как определяет О. В. Ванновская, через описание полнезависимости личности, ее саморегуляции и системы сложившихся ценностей, степень выраженности которых показывает устойчивость к коррупционному давлению [2].

В исследованиях А. Н. Пастушени показано, что системообразующим элементом (ядром) антикоррупционной устойчивости выступает отрицательное отношение к коррупционным преступлениям. «Такое отношение основывается на отрицательной субъективной представленности коррупционного преступления как способа удовлетворения материальных притязаний и как явления, имеющего отрицательный личностный смысл. Человек видит в нем в большей мере плохое или исключительно только плохое. Этот способ получения материальных благ или удовлетворения иных личных интересов представляется, например, как недостойный, постыдный, опасный, чреватый высоким риском различных жизненных потерь и т. п. Важнейшими проявлениями такого отрицательного отношения к коррупционному деянию выступают: 1) личностный принцип-запрет — “так поступать нельзя”; 2) отрицательная эмоционально-оценочная установка на

данное поведение, вызывающее соответствующую эмоциональную реакцию на внешние предпосылки совершения такого деяния (например, на коррупционные предложения заинтересованных лиц); 3) отрицательный личностный смысл совершения коррупционного преступления (отрицательные смысловые ассоциации)» [15, с. 27–28]. Второй стороной ядра антикоррупционной устойчивости автор называет отрицательную представленность человека, совершающего коррупционное преступление, которая выражает психологическую отчужденность от роли субъекта такого деяния [15].

Как видно из описания антикоррупционной устойчивости личности, ее наиболее специфическими структурами являются смысловые образования (смысловые диспозиции и установки, смысловые конструкты и личностные смыслы, ценности) [10], определяющие некоррупционное поведение и деятельность личности и находящиеся в теснейшей взаимосвязи с закладываемыми в процессе становления личной и профессиональной культуры человека интеллектуальными, моральными и нравственно-этическими образцами поведения в ситуации коррупционного давления. Это позволяет прийти к выводу, что формирование антикоррупционной устойчивости личности необходимо актуализировать в процессе профессионального обучения в контексте будущей профессиональной деятельности.

Для проверки гипотезы о влиянии уровня личной культуры на антикоррупционную устойчивость личности было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 53 студента гуманитарного профиля обучения: юриспруденция ($n = 9$), конфликтология ($n = 18$) и государственное и муниципальное управление ($n = 26$). В качестве эмпирических показателей личной культуры были выбраны суверенность психологического пространства, напряженность психологических защит, характеристики совладающего поведения и психологического благополучия, а также развитость волевых качеств личности. В исследовании были применены следующие методики.

1. Система антикоррупционной диагностики «АКорД» О. В. Ванновской [1]. Методика позволяет выявлять уровень антикоррупционной устойчивости личности как системного свойства, проявляющегося в способности противостоять коррупционному давлению и осуществлять выбор между криминальным и законопослушным поведением. Сочетание в рамках методики субъективного, объективного и проективного психодиагностических подходов повышает

надежность результатов тестирования, выявляя степень антикоррупционной устойчивости на эмоциональном, когнитивном и ценностном уровне. Теоретический конструкт методики раскрывается при помощи таких личностных характеристик, как уровень самодостаточности (автономности, внутренней защищенности от влияния среды), уровень сформированности антикоррупционных установок (структуры личностно значимых ценностей и целей) — субъективная семантика и уровень саморегуляции деятельности (способность к планированию, прогнозированию и оценке последствий своих действий, а также к нервно-психической устойчивости в условиях влияния среды).

2. Опросник индекса жизненного стиля Плутчика — Келлермана — Конте [3]. С помощью опросника можно исследовать уровень напряженности 8 основных психологических защит (вытеснение, отрицание, замещение, компенсация, реактивное образование, проекция, интеллектуализация (рационализация) и регрессия), изучить иерархию компонентов системы психологической защиты и оценить общую напряженность всех измеряемых защит.

3. Опросник способов совладания Р. Лазаруса в адаптации Т. А. Крюковой (копинг-поведение) [9]. Методика предназначена для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, копинг-стратегий — конфронтации, дистанцирования, самоконтроля, поиска социальной поддержки, принятия ответственности, бегства-избегания, планирования решения проблемы, положительной переоценки.

4. Опросник «Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90) Ю. Куля в адаптации С. А. Шапкина [20]. Методика применяется для выявления устойчивых механизмов личностной саморегуляции — ориентации на состояние или ориентации на действие при осуществлении трех сторон волевой регуляции — контроля действия при планировании, контроля действия при реализации и контроля действия при неудаче.

5. Методика диагностики волевых качеств личности М. В. Чумакова [19]. Методика направлена на общую оценку степени развития эмоционально-волевой регуляции, обеспечивающей сознательное, намеренное, осуществляемое на основе собственного решения поведение. Шкалы опросника образованы эмпирическим путем при помощи факторного анализа прилагательных, выделенных методом семантического сходства, и включают в себя такие качества,

как ответственность, инициативность, решительность, самостоятельность, выдержка, настойчивость, энергичность, внимательность и целеустремленность.

6. Методика изучения суверенности психологического пространства личности С. К. Нартовой-Бочавер [12]. Суверенность определяется автором как а) способность субъекта контролировать свое психологическое пространство, б) баланс между собственными потребностями и потребностями других, в) состояние психологических границ личности. Суверенность устанавливается по отношению к разным измерениям психологического пространства, включая как подсистемы суверенности физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), привычек (СП), социальных связей (СС), вкусов и ценностей (СЦ). Противоположный полюс конструкта автор обозначает как депривированность, маркируемую чувством отстраненности от реальности, самоотчужденностью, фрагментарностью собственной жизни и проблемами с выбором объектов самоидентификации.

7. Шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой и Т. П. Фесенко [21]. Опросник применяется для изучения субъективного самоощущения целостности и осмысленности для индивида его бытия. Включает в себя следующие шкалы: позитивные отношения, автономия, управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие.

На первом этапе был проведен анализ соответствий [13] по критерию χ^2 Пирсона для определения частоты встречаемости уровней антикоррупционной устойчивости личности в связи с направлением подготовки студентов. Эмпирическое значение критерия χ^2 составило 10,45 с уровнем значимости $p = 0,04$ (табл. 1).

Полученные результаты демонстрируют, что в связи с направлением будущей профессиональной деятельности имеются различия в уровне антикоррупционной устойчивости личности студентов. Так, у будущих юристов наиболее выражен средний уровень данной устойчивости, студенты-конфликтологи и студенты — будущие муниципальные служащие имеют преимущественно высокий уровень устойчивости личности в антикоррупционном поведении. Этот результат был подтвержден и при анализе по Н-критерию Краскела-Уоллиса, где эмпирическое значение критерия Н составило 7,49 при $p = 0,02$. Наглядно различия в уровне антикоррупционной устойчивости личности в зависимости от профиля будущей профессиональной деятельности показаны на рисунке.

Распределение уровней антикоррупционной устойчивости личности по направлениям подготовки, %

Уровень антикоррупционной устойчивости личности	Направление подготовки		
	Юриспруденция	Конфликтология	Государственное и муниципальное управление
Высокий	0,0	50,0	57,7
Средний	55,6	16,7	23,1
Низкий	44,4	33,3	19,2
Всего	100,0	100,0	100,0

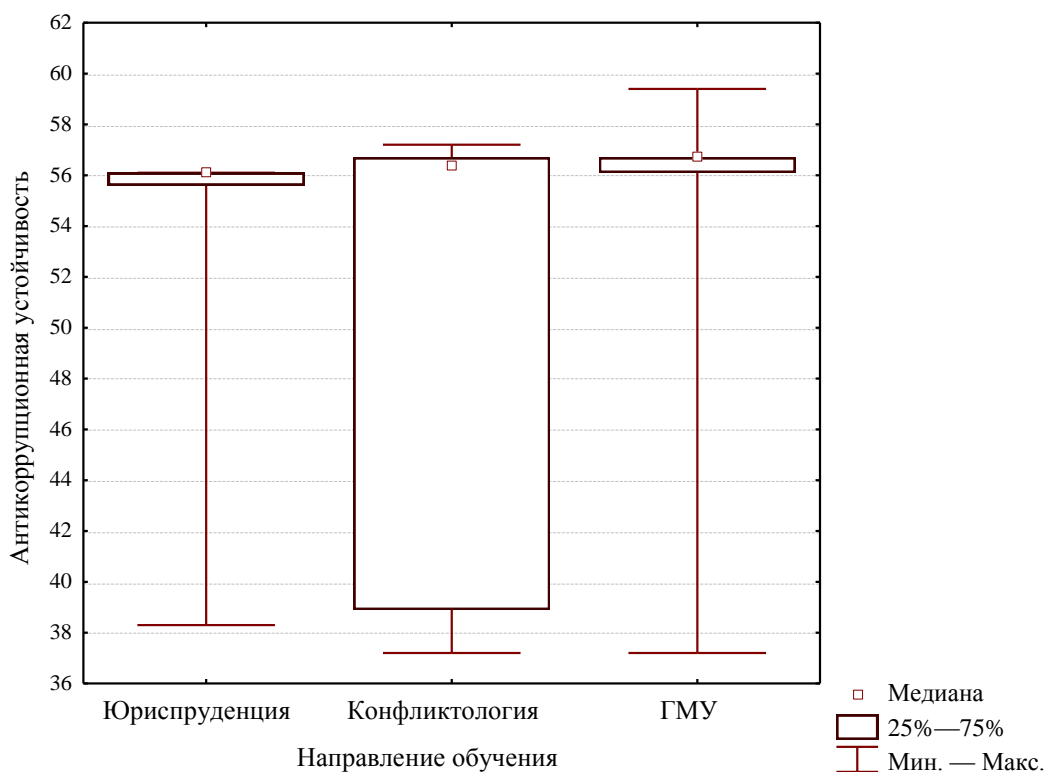

Рис. Уровень антикоррупционной устойчивости личности в зависимости от направления обучения

На рисунке видно, что отличаются не столько уровни антикоррупционной устойчивости личности студентов разных профилей обучения, сколько степень рассеяния антикоррупционной устойчивости личности. Критерий Ливена подтвердил (эмпирическое значение критерия — 3,36, уровень значимости — 0,04), что действительно имеется неоднородность дисперсий в изучаемых выборках. Рассмотрение коэффициентов вариации в выборках показало, что наибольшая разбросанность данных, неоднородность выборки по антикоррупционной устойчивости личности имеется в выборке студентов-конфликтологов ($V = 16,73\%$), наименьшей вариативностью обладает выборка студентов, обучающихся по профилю «Государственное и муниципальное управление» ($V = 11,67\%$), у студентов-юристов коэффициент вариативности составил 14,70%. В целом можно сказать, что наиболее часто высокий и средний уровень

антикоррупционной устойчивости личности проявляется у будущих муниципальных служащих, наиболее часто низкий уровень такой устойчивости демонстрируют будущие юристы. У конфликтологов встречается как высокий, так и низкий уровень антикоррупционной устойчивости личности.

Результаты корреляционного анализа (табл. 2) показывают, какой компонент антикоррупционной устойчивости личности имеет наибольшее значение при получении ее интегрального показателя в выборках.

Из таблицы 2 видно, что интегральный показатель антикоррупционной устойчивости личности у будущих юристов наиболее тесно связан с уровнем их саморегуляции, у конфликтологов — не только с саморегуляцией, но и с ценностными установками на антикоррупционное поведение, у будущих государственных и муниципальных служащих — с самодостаточностью и антикоррупционными установками. Это свидетель-

ствует о том, что в контексте разных видов профессиональной деятельности будущие специалисты опираются на разные системы личностной организации для формирования устойчивого антикоррупционного поведения – регулятивные процессы, ценности и интегральные свойства личности.

Для рассмотрения антикоррупционной устойчивости личности в контексте личной культуры студента был проведен анализ корреляций выбранных показателей лич-

ной культуры с уровнем антикоррупционной устойчивости личности с помощью г-критерия Спирмена (табл. 3).

Результаты, приведенные в таблице 3, показывают, что с антикоррупционной устойчивостью личности студентов разных направлений подготовки связаны разные показатели уровня развития их личной культуры. Наибольшее количество связей наблюдается в выборке студентов-юристов.

Таблица 2

Результаты анализа корреляции компонентов антикоррупционной устойчивости личности с ее общим показателем*

Компоненты антикоррупционной устойчивости личности, связанные с ее общим показателем	Коэффициент корреляции	р-уровень значимости
Юриспруденция		
Саморегуляция	0,92	0,00
Конфликтология		
Антикоррупционные установки	0,54	0,02
Саморегуляция	0,53	0,02
Государственное и муниципальное управление		
Самодостаточность	0,64	0,00
Антикоррупционные установки	0,42	0,03

* Оставлены только значимые связи при $p \leq 0,05$.

Таблица 3

Результаты анализа корреляции показателей личной культуры с антикоррупционной устойчивостью личности в зависимости от профиля профессиональной подготовки*

Показатели, связанные с антикоррупционной устойчивостью личности	Коэффициент корреляции	р-уровень значимости
Государственное и муниципальное управление		
Подавление	0,45	0,02
Внимательность	0,41	0,04
Конфронтационный копинг	0,40	0,05
Управление средой	-0,40	0,04
Конфликтология		
Контроль действия при неудаче	0,51	0,03
Личностный рост	0,50	0,03
Энергичность	0,50	0,03
Юриспруденция		
Проекция	-0,91	0,00
Регрессия	-0,82	0,01
Бегство-избегание	-0,81	0,01
Планирование решения проблемы	0,71	0,03
Психологическое благополучие	0,85	0,00
Цели в жизни	0,90	0,00
Самопринятие	0,76	0,02
Управление средой	0,85	0,00
Суверенность психологического пространства	0,79	0,01
Целеустремленность	0,83	0,01
Решительность	0,78	0,01
Выдержка	0,75	0,02
Внимательность	0,70	0,03
Энергичность	0,67	0,05
Контроль действия при неудаче	0,72	0,03

* Оставлены только значимые связи при $p \leq 0,05$.

Будущие муниципальные служащие, обладающие высоким уровнем антикоррупционной устойчивости личности, имеют выраженную напряженность вытеснения конфликтных ситуаций и свойств в бессознательное или изолируют их от эмоционального переживания, в трудных жизненных ситуациях склонны проявлять импульсивность и упорство в поведении, действуя для снятия эмоционального напряжения, не стремятся менять или улучшать складывающиеся обстоятельства, волевою регуляцией поведения осуществляют за счет усиления концентрации внимания. Это показывает, что личная и соответственно профессиональная культура студентов — будущих служащих в отношении антикоррупционного поведения находится в пределах социокультурной компетентности. Во внутреннем кросс-культурном контексте этих студентов нет перехода от объектного восприятия своей роли в становлении себя как профессионала, перехода личностной активности к субъектной роли.

У будущих юристов более высокие показатели антикоррупционной устойчивости личности соотносятся с развитой волевой регуляцией поведения, с низким уровнем напряженности незрелых психологических защит проекции и регрессии, с низким уровнем избегания трудных жизненных ситуаций и развитым умением планирования выхода из них, с психологическим благополучием личности — самопринятием, осмысленностью жизни, гармоничными отношениями с окружением и средой, а также с личностной автономией. Полученные связи позволяют сказать, что в личной культуре студентов-юристов и соответственно в их профессиональной культуре в отношении антикоррупционного поведения проявляется переход от уровня «социокультурной компетентности» к личной культуре на уровне «духовности личности» — это говорит о том, что студенты только начинают проявлять себя как субъекты будущей профессиональной деятельности.

Высокий уровень антикоррупционной устойчивости личности студентов — будущих конфликтологов связан с активностью и энергичностью осуществления деятельности, с ориентацией при столкновении с затруднениями на реализацию своих намерений в деятельности, с самореализацией и открытостью новому опыту. Это соответ-

ствует проявлению личной культуры в отношении антикоррупционного поведения на уровне «духовности личности», что демонстрирует субъектность студентов в проявлении своей профессиональной культуры.

Полученные результаты об имеющихся позициях будущих специалистов в отношении антикоррупционного поведения в личной и профессиональной культуре невозможно рассматривать в отрыве от специфики профессиональной деятельности. Так, профессия государственного и муниципального служащего предполагает четкое следование законодательным актам, предписаниям к деятельности, должностным инструкциям. Профессиональная юридическая деятельность осуществляется на основе норм права и возможных моделей поведения субъектов. Работа конфликтолога представляет собой организацию коммуникации с конфликтующими сторонами для оказания помощи в поиске разных ресурсов для разрешения спора [18]. Условно можно сказать, что «количество степеней свободы» деятельности в профессиях разное и среди рассматриваемых наиболее велико в деятельности конфликтолога. Этим можно объяснить сложившиеся позиции в личной культуре студентов разных направлений подготовки: будущие служащие ориентированы на объектную позицию, студенты-юристы находятся в переходной ситуации, субъектная позиция сформирована у будущих конфликтологов.

В целом проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Для становления высокой антикоррупционной устойчивости личности специалиста необходимо в процессе обучения создавать условия для развития роли и позиции студента как субъекта познавательной и будущей профессиональной деятельности, обуславливая возможность проявления внутреннего кросс-культурного контекста на уровне личной культуры «духовности личности» и субъектности в становлении профессиональной культуры. На этапе получения образования студенты гуманитарного профиля подготовки демонстрируют высокий уровень антикоррупционной устойчивости личности, опираясь в ее формировании на разные ее компоненты. Характер будущей профессиональной деятельности оказывает влияние на становление позиции студента в отношении к антикоррупционному поведению в личной и профессиональной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванновская О. В. Компьютеризированная система антикоррупционной диагностики «АКорД». — СПб. : Иматон, 2015. — 96 с.
2. Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения госслужащих : моногр. — СПб. : Книжный Дом, 2013. — 264 с.
3. Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. — СПб. : Изд-во СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. — 50 с.

4. Вербицкий А. А., Жукова Н. В. Проблемы гуманизации образования в условиях новой образовательной парадигмы : моногр. / Москов. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — М., 2006. — 99 с.
5. Есетова Х. С. Психологические условия профилактики коррупции в государственных учреждениях // Вестн. магистратуры. — 2014. — № 11-1 (38). — С. 143—145.
6. Жукова Н. В. Контексты становления личной культуры субъекта познания. — Екатеринбург : Урал. ин-т экономики, управления и права, 2012. — 347 с.
7. Жукова Н. В., Валиева Т. В. Развитие внутреннего кросскультурного контекста будущих юристов в профессиональной деятельности как условие ее становления // Инновации в современном мире: цели, приоритеты, решения : материалы Междунар. науч.-практ. форума (Екатеринбург, февр. 2016 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ин-та экономики, управления и права, 2016. — Ч. 1. — С. 499—504.
8. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 1. — С. 8—21.
9. Крюкова Т. Л., Куфтык Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журн. практ. психолога. — 2007. — № 3. — С. 93—112.
10. Леонтьев Д. А. Психология смысла. — М. : Смысл, 2003. — 487 с.
11. Молоткова А. В. Исследование личностных детерминант антикоррупционного поведения сотрудников правоохранительных органов // Юридическая психология. — 2016. — № 1. — С. 3—6.
12. Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства — 2010» // Психологический журн. — 2014. — Т. 35. — № 3. — С. 105—119.
13. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. — СПб. : Речь, 2012. — 392 с.
14. Панина Ю. Ю., Маевский А. Ю., Генрихс М. В. Понятие антикоррупционной культуры личности и ее значение в процессе проведения экспертизы нормативных правовых актов // Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. / Инновационный центр развития образования и науки. — 2014. — С. 7—11.
15. Пастушеня А. Н. Антикоррупционная устойчивость личности: психологическая характеристика [Электронный ресурс] // Вестн. МГУКИ. — 2013. — № 6 (56). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnaya-ustoychivost-lichnosti-psiologicheskaya-harakteristika> (дата обращения: 03.09.2018).
16. Петров В. Е. Особенности изучения личности сотрудников госавтоинспекции при оценке степени антикоррупционной устойчивости их поведения // Вестн. Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников М-ва внутренних дел Российской Федерации. — 2016. — № 2 (38). — С. 88—93.
17. Уварова Л. В. Методика оценки антикоррупционной устойчивости при профессиональном психологическом отборе кандидатов на должности судей [Электронный ресурс] // Междунар. науч.-исследоват. журн. — 2013. — Режим доступа: <https://research-journal.org/psychology/metodika-ocenki-antikorrupsionnoj-ustojchivosti-pri-professionalnom-psiologicheskom-otbore-kandidatov-na-dolzhnosti-sudej> (дата обращения: 03.09.2018).
18. Цой Л. Н. Профессиональный стандарт «Конфликтолог»: размышления конфликтолога // Кадры : журн. — 2015. — № 10. — С. 67—72.
19. Чумаков М. В. Диагностика волевых особенностей личности // Вопросы психологии. — 2006. — № 1. — С. 169—178.
20. Шапкин С. А. Экспериментальное изучение волевых процессов. — М. : Смысл : ИП РАН, 1997. — 140 с.
21. Шевеленкова Т. Д., Фесенко Т. П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. — 2005. — № 3. — С. 95—121.
22. Широкова А. Ш. Психолого-педагогические аспекты развития антикоррупционной устойчивости сотрудников налоговых органов в процессе повышения квалификации // Актуальные вопросы налогового администрирования: от теории к практике : тез. докл. науч.-практ. конф. — 2015. — С. 194—198.

REFERENCES

1. Vannovskaya O. V. Komp'yuterizirovannaya sistema antikorrupsionnoy diagnostiki «AKorD». — SPb. : Imaton, 2015. — 96 s.
2. Vannovskaya O. V. Psikhologiya korruptsionnogo povedeniya gossluzhashchikh : monogr. — SPb. : Knizhnyy Dom, 2013. — 264 s.
3. Vasserman L. I., Eryshev O. F., Klubova E. B. Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya. — SPb. : Izd-vo SPbNIPNI im. V. M. Bekhtereva, 2005. — 50 s.
4. Verbitskiy A. A., Zhukova N. V. Problemy gumanizatsii obrazovaniya v usloviyakh novoy obrazovatel'noy paradigmy : monogr. / Moskov. gos. otkrytyy ped. un-t im. M. A. Sholokhova. — M., 2006. — 99 s.
5. Esetova Kh. S. Psikhologicheskie usloviya profilaktiki korruptsii v gosudarstvennykh uchrezhdeniyakh // Vestn. magistratury. — 2014. — № 11-1 (38). — S. 143—145.
6. Zhukova N. V. Konteksty stanovleniya lichnoy kul'tury sub"ekta poznaniya. — Ekaterinburg : Ural. in-t ekonomiki, upravleniya i prava, 2012. — 347 s.
7. Zhukova N. V., Valieva T. V. Razvitie vnutrennego krosskul'turnogo konteksta budushchikh yuristov v professional'noy deyatel'nosti kak uslovie ee stanovleniya // Innovatsii v sovremennom mire: tseli, prioritety, resheniya : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma (Ekaterinburg, fevr. 2016 g.). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. in-ta ekonomiki, upravleniya i prava, 2016. — Ch. 1. — S. 499—504.
8. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Psikhologicheskie faktory korruptsii // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. — 2012. — № 1. — S. 8—21.
9. Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Opornik sposobov sovladaniya (adaptatsiya metodiki WCQ) // Zhurn. prakt. psikhologa. — 2007. — № 3. — S. 93—112.

10. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla*. — M. : Smysl, 2003. — 487 s.
11. Molotkova A. V. Issledovanie lichnostnykh determinant antikorruptsionnogo povedeniya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // *Yuridicheskaya psikhologiya*. — 2016. — № 1. — S. 3–6.
12. Nartova-Bochaver S. K. Novaya versiya oprosnika «Suverennost' psikhologicheskogo prostranstva — 2010» // *Psikhologicheskii zhurn.* — 2014. — T. 35. — № 3. — S. 105–119.
13. Nasledov A. D. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya danykh*. — SPb. : Rech', 2012. — 392 s.
14. Panina Yu. Yu., Maevskiy A. Yu., Genrikhs M. V. Ponyatie antikorruptsionnoy kul'tury lichnosti i ee znachenie v protsesse provedeniya ekspertizy normativnykh pravovykh aktov // *Problemy sovremennoy yuridicheskoy nauki: aktual'nye voprosy : sb. nauch. tr. po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki*. — 2014. — S. 7–11.
15. Pastushenya A. N. Antikorruptsionnaya ustoychivost' lichnosti: psikhologicheskaya kharakteristika [Elektronnyy resurs] // *Vestn. MGUKI*. — 2013. — № 6 (56). — Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupcionnaya-ustoychivost-lichnosti-psihologicheskaya-harakteristika> (data obrashcheniya: 03.09.2018).
16. Petrov V. E. Osobennosti izucheniya lichnosti sotrudnikov gosavtoinspektsii pri otsenke stepeni antikorruptsionnoy ustoychivosti ikh povedeniya // *Vestn. Vseros. in-ta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov M-va vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii*. — 2016. — № 2 (38). — S. 88–93.
17. Uvarova L. V. Metodika otsenki antikorruptsionnoy ustoychivosti pri professional'nom psikhologicheskom otbore kandidatov na dolzhnosti sudey [Elektronnyy resurs] // *Mezhdunar. nauch.-issledovat. zhurn.* — 2013. — Rezhim dostupa: <https://research-journal.org/psychology/metodika-ocenki-antikorrupcionnoj-ustojchivosti-pri-professionalnom-psixologicheskom-otbore-kandidatov-na-dolzhnosti-sudej> (data obrashcheniya: 03.09.2018).
18. Tsoy L. N. Professional'nyy standart «Konfliktolog»: razmyshleniya konfliktologa // *Kadrovik : zhurn.* — 2015. — № 10. — S. 67–72.
19. Chumakov M. V. Diagnostika volevykh osobennostey lichnosti // *Voprosy psikhologii*. — 2006. — № 1. — S. 169–178.
20. Shapkin S. A. *Eksperimental'noe izuchenie volevykh protsessov*. — M. : Smysl : IP RAN, 1997. — 140 s.
21. Shevelenkova T. D., Fesenko T. P. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti // *Psikhologicheskaya diagnostika*. — 2005. — № 3. — S. 95–121.
22. Shirokova A. Sh. Psikhologo-pedagogicheskie aspekty razvitiya antikorruptsionnoy ustoychivosti sotrudnikov nalogovykh organov v protsesse povysheniya kvalifikatsii // *Aktual'nye voprosy nalogovogo administrirovaniya: ot teorii k praktike : tez. dokl. nauch.-prakt. konf.* — 2015. — S. 194–198.